

Альфريد Изатулин

ВРАЧ АТОМНЫХ ВОЙСК

Империя СССР

**Альфريد Фаридович Изатулин
Врач атомных войск. В
Министерстве среднего
машиностроения (атомная
промышленность) была своя
медицина, в т. ч. военная**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273476
ISBN 9785447496463*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И
ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В Министерстве среднего
машиностроения СССР существовали свои воинские
формирования, следовательно, своя военно-медицинская служба.
Военные госпитали были разбросаны по всему союзу.
Рассказ о службе одного из многочисленных военных врачей
министерства. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Этюд первый	15
Амир, свинка, горшки и медсестры	36
Этюд второй	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Врач атомных войск
В Министерстве среднего
машиностроения (атомная
промышленность)
была своя медицина,
в т. ч. военная**

**Альфريد Фаридович
Изатулин**

*О врачах, военных госпиталях секретного
министерства*

*Офицерам медицинской службы
Министерства среднего машиностроения СССР
посвящается*

Редактор Анвар Ризванович Сайтбагин

© Альфريد Фаридович Изатулин, 2016

ISBN 978-5-4474-9646-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Около двух десятков лет – такова выслуга автора этой книги в медицинской службе «урановых» военно-строительных частей Министерства среднего машиностроения СССР, дислоцированных в четырех городах в различных краях страны – в знойной пустыне, забайкальской степи, сибирской тайге. Его служебный путь – от начальника медицинской службы полка до начальника военного госпиталя, от лейтенанта до подполковника, от рядового хирурга до кандидата медицинских наук.

Пациентами и сотрудниками автора стали за эти годы многие люди самых разнообразных профессий и званий – министры, директора урановых комбинатов, Герои Социалистического Труда, строители, санитарки, медицинские сестры и фельдшеры, врачи полковых медпунктов и госпиталей, и, конечно же, офицеры, сержанты и рядовые войсковых частей.

Сотни людей из их числа были его пациентами, и он надеется, что все они вспоминают своего хирурга добрым словом. Сам же автор считает эти годы лучшей частью своей жизни.

История о татарском мальчишке, волею судьбы ставшем военным хирургом, вылилась в широкомасштабный рассказ о военных медиках, принимавших непосредственное уча-

стие в сохранении здоровья военных строителей, офицеров и членов их семей в секретном министерстве.

Они не спасали раненых на поле боя, не участвовали в военных учениях и дальних морских походах, не блистали в парадном строю в столицах. Ничего героического в их труде, казалось бы, и не было: будни, будни, ежедневный выход на службу, проверка состояния пищеблоков и казарм, условий труда на производственных площадках, оказание помощи больным в медпунктах полков и отрядов, в небольших госпиталях. И тем не менее, они внесли значительный вклад в создание ядерного щита Родины.

Остается добавить, что эта книга – произведение художественное и любые совпадения с реальными людьми, событиями являются случайными.

Пролог

Сначала факты

«Для решения в самые сжатые сроки задач по строительству важнейших объектов атомной энергетики и промышленности требовалась рабочая сила, исчислявшаяся сотнями тысяч человек, способных в любых климатических условиях, без обустроенного быта и жилья возводить сложные сооружения.

В послевоенные 1947—1949 годы на Урале, в Сибири и некоторых районах европейской части России началось освоение территорий под строительство атомных объектов. Именно тогда, в 1948 году, решением Правительства были созданы первые военно-строительные части – полки, батальоны, отряды, отдельные роты, которые состояли в основном из молодых рабочих, сельских жителей, способных по состоянию здоровья трудиться в сложных климатических условиях, выполнять тяжелые строительные работы. Для подготовки специалистов разных профилей создавались учебные комбинаты, курсы, но основная масса военных обучалась строительному делу непосредственно на рабочих местах. В результате в самые сжатые сроки – от 2 до 3 месяцев – все стройки были обеспечены мобильной рабочей силой, достаточно квалифицированной и состоящей из моло-

дых рабочих-воинов в возрасте 19—20 лет.

В ноябре 1960 года в Минсредмаше СССР было сформировано Управление военно-строительных частей, позднее переименованное в Центральное управление под условным названием в/ч 25525, что позволило более оперативно и целенаправленно руководить войсками и эффективно их использовать. В управление входили отделы: производственный, организационный и кадровый, политико-воспитательной работы, тыла и медицинского обслуживания. Начальниками управления работали в разное время генерал-майор И. Шевляков, полковник А. Ишков, генерал-лейтенанты И. Камышан, П. Карпюк, В. Берчик, генерал-майор Ю. Савинов; заместителями начальников Управления были полковники: Н. Качурин, В. Кухарчук, М. Комиссаров, В. Куртов; начальниками отделов – Герои Советского Союза полковники Ф. Сабиров, А. Алексеев, Г. Яковлев, В. Данилюк, полковники-инженеры Э. Цатуров, Г. Танетов, полковники медицинской службы П. Елисютин, В. Удодов.

За годы деятельности военно-строительные части министерства принимали участие в строительстве практически всех крупных объектов атомной энергетики и промышленности, а также многих объектов народного хозяйства. Только в Москве при участии военных строителей построены Государственный университет, Большой Кремлевский дворец, Дворец пионеров и школьников, Инженерно-физический институт, универмаг «Детский мир», Центральный ста-

дион имени В. И. Ленина. Трудно переоценить созидательную роль военных строителей. Достаточно сказать, что к началу 50-х годов в строительных управлениях всех атомных объектов в общем балансе рабочей силы военные строители составляли от 50 до 93%, а в целом на стройках Министерства среднего машиностроения СССР численность военных строителей иногда достигала 200 тысяч человек»¹.

Военно-медицинская служба военно-строительных частей Минсредмаша СССР состояла из войсковой медицинской службы и военных госпиталей. И в целом соответствовала организации медицинской службы Министерства обороны СССР.

Однако имелись и отличия. И заключались они в следующем. Военно-медицинскую службу возглавлял начальник медицинского отдела войсковой части 25525 в Москве, он осуществлял оперативное руководство. Однако, при Минздраве СССР существовало III Главное управление², на которое возлагалась организация медицинского обеспечения Минсредмаша СССР, в том числе и общее руководство военно-медицинской службой воинских формирований. На местах санэпиднадзор в войсковых частях, снабжение медицинским имуществом, оказание квалифицированной, тем более – специализированной медицинской помощи осуществлялись гражданскими медицинскими учреждениями

¹ «Атом пресса», №7, февраль 2005, В. Кухарчук.

² В настоящее время Федеральное медико-биологическое агентство РФ.

III Главного управления при МЗ СССР.

Военные госпитали организационно и штатно входили в состав медико-санитарных отделов (лечебные учреждения предприятий Минсредмаша СССР), что диктовалось вопросами снабжения медицинским имуществом, общностью выполняемой задачи и значительно облегчало решение кадровых вопросов, преемственности, этапности оказания медицинской помощи обслуживаемому контингенту.

В военно-строительных полках службу возглавлял старший врач (позже он стал именоваться начальником медицинской службы), ему подчинялись начальник полкового медицинского пункта, врач стоматолог (гражданский), врач специалист, начальник аптеки, лаборант, фельдшер (военнослужащий), медицинские сестры, санитарки. В военно-строительных отрядах численность медиков соответственно была меньше.

Количество и дислокация военных госпиталей Минсредмаша СССР в разные годы, в зависимости от решаемых задач, были различными. К восьмидесятым годам XX века существовало 8 госпиталей. Центральный госпиталь, выполнявший функции организационно-методического центра, располагался в поселке Селятино Московской области, другие госпитали – в поселке Снечук Литовской ССР, в городах Шевченко КазССР, Навои УзССР, Томск-7, Красноярск-26, Краснокаменск Читинской области, Саянск Иркутской области.

Комплектование медицинской службы офицерами осуществлялось за счет призыва выпускников медицинских институтов. Как правило, сначала на два года, затем желающие оставались добровольно на кадровой службе. В дальнейшем для замещения должностей войсковой медицины стали прибывать офицеры, окончившие военно-медицинские факультеты медицинских институтов, в основном Томского. Специализация, усовершенствование врачебного состава проводилось в институтах усовершенствования врачей Минздрава СССР. Офицеры имели возможность обучаться в ординатуре Военно-медицинской академии. После выпуска из академии они назначались на должность начальника отделений госпиталей.

Отметим, что социально-бытовые условия офицеров медицинской службы были нормальными. Они обеспечивались благоустроенными квартирами, их жены, как правило, своевременно трудоустроивались; они могли отдыхать в домах отдыха, лечиться в отличных санаториях министерства. В городах Минсредмаша СССР была хорошо развита социальная инфраструктура, имелись свои театры, стадионы, бассейны, хорошие школы, детские сады. Можно с уверенностью заключить, что по сравнению с военными врачами Министерства обороны их служба проходила в более благоприятных условиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Система высшего профессионального образования СССР в свое время была признана во всем мире. Но великая держава рухнула, в новом государстве – Российской Федерации начались реформы, которые затронули и образование.

В 2003 году Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу (на Берлинском саммите участников Болонского процесса). Для чего это делалось?

Главная цель реформы европейского, в том числе и российского, образования – улучшить его качество, так, чтобы оно могло выиграть конкурентную борьбу с системой высшего образования США, которая пока лидирует в мире, в силу чего многие выпускники школ Европы предпочитают не родные и близкие европейские вузы, а американские.

Однако присоединение России к Болонскому процессу вовсе не означает, что мы автоматически признаем все Болонские принципы и полностью отказываемся от национальной системы образования. Из сферы реформирования выведены, в ряду других, и **медицинские** вузы. Нынешний министр образования РФ А. Фурсенко объяснил это тем, что подготовка медиков, инженеров, работников спецслужб ведется «моноблоком» и не может быть разделена на два уровня. То есть, система подготовки врачей, принятая в СССР, сохранилась.

Получив основательную клиническую, общемедицинскую подготовку по выбранной специальности, выпускники вузов распределялись по рабочим местам во всех областях

нашей необъятной страны. Некоторые из них становились военными врачами.

Этюд первый

Исходный материал для лепки будущего военврача в нашем рассказе семнадцатилетний мальчик Амирхан³ (Амир), татарин. Вырос в глухой сибирской деревне, в начальной школе готовил уроки при свете керосиновой лампы. Родители мальчика – учителя начальной школы.

Был он вполне стандартным мальчиком, годным для подготовки из него типового специалиста с высшим образованием в СССР в шестидесятые годы XX века. Умеренно темный (представьте себе кругозор мальчика, живущего в глухой сибирской деревне лесорубов 50-х годов) и весьма умеренно образованный в средней политехнической школе. Искренно вступал в комсомол⁴, верил, что ЦК КПСС никогда не ошибается и всегда занят думой о благе народа.

По мнению автора, судьба его во многом типична для послевоенного поколения деревенских детей, родившихся в СССР в пятидесятые-шестидесятые годы XX столетия. Педагогический, медицинский, сельскохозяйственный институт...

Из детских воспоминаний Амира: в крохотной сельской школе (деревянная изба в одну комнату, освещенная керо-

³ Имя прадеда автора. В память...

⁴ Комсомол – коммунистическая молодежная организация в СССР (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи)

синовой лампой) директором, завучем, преподавателем и пр. пр. был один единственный человек – мама. Так получилось, что программу первого класса Амир осваивал дважды, о детских садиках тогда в глухих деревнях не знали. И в школу он ходил с мамой с шести лет.

В школе мама его усаживала за первую парту.

Таким образом, к семи годам Амир уже окончил первый класс, умел свободно читать (насчет письма память не сохранила ничего). Затем повторил программу первого класса уже на законном основании. Достаточно сказать, что в семилетнем возрасте он прочитал книгу Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» на татарском языке. Эта книга оказала на его судьбу сильнейшее воздействие. Навсегда он полюбил авиацию. Состояние здоровья, однако, не позволило ему через 11 лет, когда он закончил школу, осуществить мечту и стать пилотом. Он стал хирургом.

Мама одна вела уроки сразу в 4-х классах – от 1-го до 4-го. Ученики делились на классы по партам и рядам. А всего их было полтора десятка.

Деревушка, где они жили, была крохотная, 25—30 домов, и стояла на пологом юго-западном берегу сибирской реки Иртыш. За деревней вдоль берега росли ивы в три обхвата, под ивами раскинулись лужайки с зеленой, мягкой травой. Сколько счастливых часов провел здесь Амир со своими друзьями! В окружающих болотистых лесах обильно произрастал дикий лук – по-татарски юа. Его с горчинкой вкус

и сейчас жив в памяти Амира, военного хирурга в отставке.

Ранней весной начинают оттаивать островки земли на высоком берегу Иртыша. Показывается прошлогодняя жухлая трава, а уже через несколько дней робко пробивается первая зеленая травка... Игра «попа на кон» требует от мальчишек быстрого бега. Скидываются сапоги, хоть земля еще и мерзлая. Но им все нипочем, как гуси, поджимают то одну, то другую ногу, а игра идет. Гонят попа на другой конец села по берегу, и когда битой промахивается последний игрок, стая пацанов несется к исходному кругу. Кто прибежит последним, тот ставит попа в круг, остальные по очереди броском биты выбивают попа из круга. Новая игра...

Врач военно-строительного полка, расположившегося в диких степях Забайкалья, лейтенант Амир стоял у окна в своем служебном кабинете, прижавшись лбом к холодному стеклу. Из окна открывался унылый вид на сопку, покрытую пожелтевшей травой с островками снега, и на серый бетонный забор. Несколько дней назад, зацепившись ремнем за кусок арматуры забора, повис на нем пьяный военный строитель. Повис и замерз, никем не замеченный ночью. Мороз стоял тогда под тридцать градусов, тело погибшего было похоже на большой кусок льда.

Воспоминания об играх детства и о недавних событиях прервал громкий стук в дверь... Лейтенант оторвал лоб от оконного стекла и крикнул:

– Войдите!

Посыльный из штаба:

– Товарищ лейтенант, вас вызывает командир полка!

С этой фразы очень часто начинается служебный день бесчисленного множества офицеров Советской Армии. Нахлобучив шапку, лейтенант рысцой пробежался до штаба, находившегося в соседнем подъезде блочной пятиэтажной казармы.

В коридоре его за рукав задержал начальник штаба подполковник Похмелкин, дыхнул термоядерным перегаром:

– Доктор, куда несешься, аки с перепугу? Зайди ко мне!

– Не могу, Иван Михайлович, командир вызывает. Возможно, зайду после?

– Иди!

Однако этому малозначительному событию предшествовали годы...

Год 1964.

После окончания восьмилетки в поселке лесорубов на правобережье Иртыша Амир подал документы в среднюю школу в районном центре.

Первая сентябрьская линейка в новой школе. Наряду с девятым классом в строю и десятиклассники, которые будут обучаться до 11-го класса. Он глянул на соседней десятиклассников. И сразу увидел ее... В строю стояла поразительно стройная, рыженькая девочка с челочкой, ниспадающей

на лоб, усыпанный веснушками. Белый школьный фартук, синее платье необычайно ей шли. Аккуратный носик, четкие брови, ямочка на щеке. Незнакомка запала в его сердце. Вскоре выяснилось, что зовут ее Светой, Светланой.

В райцентре была детская спортивная школа, располагавшаяся в здании некогда разоренной церкви. Чего только не вытворяла советская власть! Иногда он думает о проклятиях. Может, и за это он проклят, – что занимался спортивной гимнастикой в церкви. Как знать! Может быть, неспроста его призвали в армию и отправили служить на урановые рудники в город Красноуранск. Много лет спустя там же оказался и Ходорковский. Почти сослуживец...

Света тоже занималась спортивной гимнастикой, с семи лет. Мальчики приходили к концу тренировок девочек. Известно, что спортивная гимнастика создает самую красивую фигуру. Такой уж это вид спорта. Смерть парням от таких девочек!

На школьном вечере Амир, наконец, осмелился и подошел к ней. Она несмело улыбнулась, подала руку с жесткой ладонью гимнастки. Веснушки на носу стали явственнее, девушка слегка побледнела. Бледнел ли Амир – сие ему осталось неизвестным. Танец. Провожание. Жила Света в подгорной части города, возле базара. Древняя история, как это бывает у всех, в 17 неполных лет. Всё ново и свежо, и всё по-живому.

Незаметно прошел 1964—1965 учебный год. Построили

новую школу – №2. Его класс перевели туда, а Светин класс остался в старой школе.

Они встречались, гуляли. Потом Света неумело чмокала его в щеку и убегала к себе в подгорье, смешно, по-девчачьи разбрасывая голени. Он стоял, смотрел ей вслед и запоминал запах ее духов (только спустя 40 лет узнал случайно, что это запах жасмина). Есть наука о запахах, ферромонах. Биология утверждает, что сближение людей происходит на основании запахов.

Всегда запах таких духов, где бы он его не улавливал – в троллейбусе, при встрече случайной прохожей, да где угодно, ему напоминал про эту девочку.

Год 1966

Амир чувствовал себя отлично. После окончания средней школы временно работал в пионерском лагере физруком. Работа была несложной: утром физзарядка с пионерами, потом в течение дня спортивные игры на свежем воздухе. Вечерами педагогический персонал устраивал посиделки у костра, чудили по-всякому. Например, сшивали штанины спящим парням, красили сажей лицо задремавшим коллегам, и прочее в том же духе.

Но все хорошее, как известно, имеет обыкновение быстро заканчиваться. Так случилось и теперь. В лагере неожиданно появились родители Амира.

Мама и папа пришли по таежной дороге, хорошо зна-

комой Амиру, он по ней много раз ходил, ездил на велосипеде. Дорога недлинная, около четырех километров. Если идти от отчего дома, дорога ведет сначала через луга, невысокий сосняк, затем справа – большое Белое болото, потом тайга. Следом начинается небольшой подъем протяженностью не более километра, песчаная почва, легко шагать, ехать на велосипеде. На вершине подъема просека, тут нужно свернуть направо и идти по просеке, лесной дорогой. Примерно через 2—3 километра начинается малозаметный спуск, и вот он, пионерлагерь.

Амир догадывался, почему вдруг родители появились в лагере. И догадка сразу подтвердилась:

– Сынок, что же ты ни о чем не думаешь? Ведь давно пора подавать документы в институт. Уже 20 июля.

– Да, мама. Сейчас же увольняюсь и еду поступать.

Покормил родителей обедом. Увольнение заняло немного времени. Жалованье позже получит мама.

Жара, июль... Известный в прииртышье теплоход «Лермонтов» причалил в речном порту областного центра. В тополях весело чирикали воробьи, яркое солнце слепило. Пахло разогретым асфальтом, низко пролетел Ту-104, заходивший на посадку.

Выпил удивительно сладкую газировку из автомата возле кинотеатра «Пионер». Нашел институт.

Приемная комиссия находилась в «телевизоре» главного корпуса. Так студенты медицинского института называли

просторную проходную комнату на втором этаже. На канцелярских столах увидел таблички: «лечфак», «педфак», «санфак», «стомфак». Амира смущало название педфак. Немного поразмыслив, он решил, что на этом факультете готовят педагогов для медучилищ.

Позднее узнал, что оно обозначало педиатрический факультет. Деревня...

Подошел к столу с табличкой «лечфак». Хотя и не сомневался, всё-таки спросил у девушки, сидящей за столиком:

– Здесь учат на врачей, которые будут работать в больнице?

– Да, здесь.

Амир хотел стать онкологом.

Вступительные экзамены сдал хорошо и был зачислен на первый курс лечебно-профилактического факультета.

Первого сентября студентов отправили на уборку урожая (ума не приложу: кто же сейчас убирает урожай, неужели опять студентов посылают?). Группа первокурсников попала в село на юге области. Мальчиков разместили в вагончике, в стенах которого были сантиметровые щели.

На другое утро распределяли по работам. На тракторе «Беларусь» подъехал колхозник. Он сошел на землю, слегка потянулся, подошел к студентам, тесной группкой стоявшим у правления колхоза. О чем-то пошептался с местным начальником, потом обернулся к студентам:

– Ребята, кто из деревни?

– Я, – ответил Амир.

– Пойдем, будешь работать со мной!

Амир забрался в кабину трактора. Они проехали на другой конец села, прицепили кукурузоуборочный комбайн. Почти сразу за селом открывалось бесконечное кукурузное поле. Так Амир начал учиться на врача.

Селянин оказался знатным механизатором, как позже узнал Амир, по результатам уборочной даже претендовал на орден.

Уборочная страда тянулась 18 дней. Вагончик, где спали студюзы, был на другом от дома тракториста конце деревни, да и завтракали они поздновато (шефу-трактористу приходилось дожидаться его возле столовой). Поэтому напарник переселил Амира к себе домой. Пришлось спать на широкой русской печке. От тепла, которое буквально проникало в тело, уставший после длинного рабочего уборочного дня Амир, как правило, засыпал мгновенно, едва забравшись на печку и уложив голову на подушку. Завтракал и ужинал вместе с хозяевами, жена тракториста кормила их тремя блюдами, пили парное молоко, которое Амир обожал. Каждый вечер мылись в бане. К концу уборочной рабочие брюки Амира пропитались кукурузным сладким соком и свободно стояли на полу. Денег он получил значительно больше своих товарищей. Да к тому же шеф-тракторист на прощание дал ему тяжелый пакет с продуктами (питайся студент!): домашняя колбаса, сало, пирожки с мясом и капустой...

Занятия на факультете Амиру нравились.

Даже при первом посещении анатомического театра никаких переживаний у него не было. Деревенские парнишки не испытывали страхов при виде костей, останков человека или трупных препаратов с резким запахом формалина.

Первое, что студент начинает изучать в курсе нормальной анатомии человека – это позвонок, *vertebra* на латыни.

Ехал Амир в троллейбусе на зачет по анатомии позвоночника и твердил про себя: *vertebra, vertebra, vertebra*. Незаметно стал говорить вслух. Пассажир, сидевший рядом, остановил это увлекательное занятие словами:

– Ты что, парень, бормочешь?..

Изучение анатомии человека напоминает процесс заучивания таблицы умножения. Так же учить все нужно наизусть: термины, названия костей, суставов, мышц, нервов, сосудов и органов.

Первый курс запомнился обилием информации и постоянным заучиванием целых страниц, глав различных учебников, практически наизусть. Параллельно с немецким языком учили латынь. Физика, несколько курсов химии, препаровка трупа человека в анатомке. Амиру нравилась нормальная физиология человека, он узнал, как работают органы и системы здорового организма. Изучение биологии открыло ему глаза на мир микроорганизмов, беспозвоночных и всего прочего, что приводит к тем или иным болезням людей. Было очень интересно и трудно. Времени свободного

совсем не было. Учеба и учеба.

Первый курс он одолел с некоторым трудом: сказались изъяны школьного (особенно восьмилетнего) образования. Очень было трудно с немецким языком. Ведь фактически изучать язык ему пришлось только в 9—10 классах. А ребята в студенческой группе уже свободно читали, даже знали грамматику. Амира выручила одноклассница, учившаяся на факультете иностранных языков пединститута. Перевод текстов выполняла она, он механически переписывал и заучивал. Было...

Жил он у своей бабушки по отцовской линии, у нее была комната в коммунальной трехкомнатной квартире. Клопы там падали с потолка, яко пикирующие бомбардировщики.

На втором курсе по протекции двоюродной сестры дали место в общежитии для старшекурсников. Амира вселили в комнату, где проживали два четверокурсника и один студент с пятого курса. Все с лечебного факультета. Жилье получилось интернациональное. Прохор пятикурсник, Евгений четверокурсник – ханты; Яр, четверокурсник – ненец. Жили дружно.

В январе навалились морозы под -40. И слева от окна, под потолком, вдруг обнаружилась вертикальная трещина в стене, по шву в кирпичной кладке (общежитие было новое, первый год находившееся в эксплуатации). Как-то проснулись утром: холодно, снежинки падают на одеяло. Все съезжились в постели. Никто не хочет вставать. Было воскресенье, а вос-

кресенье для студента отсыпной день, по принципу «лучше переспать, чем недоесть».

Было уже около одиннадцати часов, когда Амир, как самый молодой, встал. Нашел газету, нож и стал затыкать щель в стене. Ханты и ненец немедленно проснулись. Яр и говорит:

– Не затыкай, не затыкай.

– Почему?

– Пусть так будет. Хорошо, как дома!

Перед сном с юношеской горячностью спорили о различных вещах. Яр утверждал, например, что он помнит, как родился.

Затем выслушивали радиопередачу «После полуночи», и крепко засыпали.

С зимних каникул кто-то из ненцев привез несколько мешков мороженой оленины. Им тоже достался большой кусок мяса, хватило на целый месяц. Вначале северяне ели оленину сырой. Нарезут кусками, посолят (немножко) и уминают с хлебом. Происходило все это обычно уже вечером, практически перед сном. Занятия заканчиваются к 17—18 часам, медики учатся долго. Мороз. Еле живые приходили в общагу. Отойдут от мороза ноги, руки, приступают к мясу. Так вот, Амир заметил интересную особенность той еды. Скушаешь мяса граммов 300—400, выпьешь чаю, и такой сон наваливается, что засыпаешь еще за столом, только бы добраться до своей койки и упасть навзничь. Это нар-

КОЗ...

Позже Амир уговорил ребят варить мясо. Варили в большой кастрюле: немного картошки и много мяса. Очень вкусно...

Через 14 лет, будучи уже военным хирургом, Амир командовал хирургическим отделением военного госпиталя в Восточной Сибири. И случилась там у одного солдата, ненца, грыжа. Вообще-то, ненцев на военную службу не берут. А этого каким-то образом призвали. Попал он в хирургическое отделение. Беседа начальника отделения с солдатом.

– Откуда?

– С Гыды, – говорит.

– Я знал одного ненца с Гыды. Он врач.

– Яр Маяко, однако!

– Вот это да! Он, он. А как ты догадался?

– Он у нас один Яр, врач.

– Ну и ну. И как он там?

– Ничего. Много детей. Орден имеет, много рыбы поймал.

– Он же врач.

– Не, он теперь рыбак, однако.

...Ко второму курсу Амир втянулся в учебный процесс, стало немного легче. Но 6 лет учебы дались, в общем-то нелегко. Материальная нищета, скудная база школьных знаний – сказывалось все.

На курсе было немало и других деревенских ребят. После окончания института они, как правило, возвращались в сель-

скую медицину, в районные и участковые больницы, городские же всеми правдами и неправдами цеплялись за областной центр.

Папа и мама Амира (сельские учителя) получали гроши, а кроме него в семье были две сестры, школьницы. Пришлось ему по ночам работать. Устроился сторожем магазина, потом школы, был точильщиком инъекционных игл на станции переливания крови, врачом травмпункта, участковым терапевтом в поликлинике. Впрочем, так поступали многие его однокурсники.

Говорят, что студент или хочет спать, или хочет есть. Так оно и было. После ночной работы, на первой паре, слова лектора до него, как правило, не доходили, ибо спал сидя.

– Почему у тебя по утрам глаза красные? Пьешь, наверное? – спросила у него однажды однокурсница-омичка.

Однако, все плохое забывается, поэтому и студенчество вспоминается ему, как беззаботное, веселое время. Были и пирушки, и гулянья до зари во время весенней сессии, девочки-красавицы.

Летняя сессия готовилась часто на пляже. И ничего, сдавали экзамены, причем, на четыре или пять.

Третий, четвертый, пятый курсы дались легче, втянулся. К экзаменам готовились чаще всего с товарищем, Николаем Б.

Конспекты лекций вслух читал, как правило, Амир (некоторые записи брали у девчат). Коля, под предлогом того, что

он плохо понимает чужой почерк, читать вслух отказывался. Коля родом из краев кубанских казаков.

Был Коля, а теперь Николай Алексеевич, академик РАН. Возможно, есть в том и вклад его друга Амира?

Студенческая жизнь – это прежде всего учеба. Но не только.

В летнюю сессию на втором курсе предстояло сдать немецкий язык. По известным причинам Амир этого экзамена побаивался.

Готовился в роще сельхозинститута, подальше от соблазнов пляжа, лежа в густой траве. Заучивал тексты наизусть – тоска невыразимая. И тут его внимание привлекло какое-то движение, совсем рядышком. Бросил текст (с облегчением) и внимательно стал всматриваться в сторону поляны, где что-то мелькнуло.

Ого, из травы показалась парочка симпатичных девичьих пяток, покачались, покачались и опять пропали. По расположению оных Амир пришел к заключению, что, лежа на животе, кто-то совсем рядышком тоже готовится к экзамену, причем, этот кто-то – явно не мальчик. Учебник моментально был позабыт, по-пластунски он пополз в направлении обнаруженных ножек. Осторожненько раздвинул густую траву и замер, раскрыв рот. На клетчатом покрывале лежала девушка с замечательной фигурой, с длинной русой косой, при этом – исключительно красивая, да еще и в смелом купальнике. Она что-то читала, положив подбородок на ладони. На-

конец, удалось привлечь ее внимание, и они познакомились. Выяснилось, что красавица готовится к вступительным экзаменам в медицинский институт. Все оставшееся до вечера время Амир консультировал ее по химии, которую она изучала. Потом собрался с духом и пригласил ее в кафе. Она согласилась!

Само собой разумеется, она опоздала на 40 минут. За это время Амир от волнения съел почти все заказанное.

Но вдруг на входе появилось волшебное видение. Амир и официант, молодой парень, не старше его, раскрыли рты от удивления.

Видение было одето в национальное западно-украинское платье: юбка с вышивкой по подолу, блузка аналогичного вида и заплетенная коса до пояса. Это была она! Выйдя из шока, Амир вскочил и пригласил красу за столик, который пришлось накрывать заново. Придя в сознание, официант повторил заказ, причем, очень проворно. Красота – это страшная сила!

Потом они гуляли по городу, целовались. В родное общежитие Амир явился на рассвете. И только тут вспомнил, что в кафе рассчитался лишь за второй заказ.

Третий курс. Воскресенье. Январь. Ранним утром Амир едет в общежитие из центра города, после бессонной ночи на работе: сторожил гастроном «Золотой колос». Морозно, туман. Завывают на подъеме электромоторы троллейбуса. Съездившись на сидении, Амир тут же засыпает. Про-

сыпается на остановке Нефтезаводская. Перелет! Пересел на встречный троллейбус. Проснулся на остановке Сибзавод. Опять перелет. Пересел опять. Рядом сидела пожилая женщина, и Амир попросил разбудить его на остановке Политехнический институт, если он уснет. Соседка покивала головой, говоря:

– Разбужу, спи, спи бедный студент. А я вот всё никак уснуть по ночам не могу!

Такие истории случались с ним не раз. А что делать? И кушать хотелось, и одежду, обувь на зиму никто ему не подарит.

Каждое лето ездил в составе студенческого строительного отряда в село – тоже заработок.. Освоил работу каменщика, плотника, бетонщика, кровельщика, лесоруба. Мог выложить стену из кирпича, крыл шифером крыши, проводил электропроводку.

Строили школу, коровник, жилые дома, прокладывали (со студентами-политехниками) линию электропередачи. Работали от зари до позднего вечера. О мозолистые ладони можно было без всяких последствий тушить окурки.

Вечерами ходили в деревенские клубы, в кино, но главное, на танцы, начинавшиеся после киносеанса. Как правило, садились со своими подружками рядышком. Но после вступительных титров фильма все орлы стройотрядовцы, как один, сладко засыпали, склонив буйную головушку на девичье плечо. Подруги будили их, когда на экране

появлялись слова «конец фильма». В стройотрядах Амиру так и не удалось посмотреть ни один фильм, так они уставали. Зато потом были танцы, после них – провожания, горячие и сладкие поцелуи где-нибудь у плетня. Тут уже было не до сна..

Как-то работал Амир на циркулярной пиле в паре с Витей Х. (сейчас он заместитель министра здравоохранения в одной сибирской области, доцент). Парень Амиру не чета, богатырского телосложения. А плахи были по 5—6 метров, и тяжелые ужасно, их распиливали на брус. Он выматывался к вечеру так, что с трудом доходил до столовой. А потом ведь надо было и в кино, и так далее.

И вот, на таком фоне, провожал он однажды свою подружку после танцев. Помнится Амиру, что перед тем, как уйти в дом, она любила несколько минут посидеть на скамеечке у ворот. Закрыв глаза, поворачивала к нему свое ждущее лицо, и они целовались до головокружения. А ее папа в доме храпел в это время так, что мелко позвякивали стекла окон.

Но в тот раз присели они не на скамеечку у ворот, а на свежий стожок скошенного клевера на опушке березового лесочка, возле фермы. Давно уже были знакомы, более 10 дней.

Амир расстелил свою форменную стройотрядовскую куртку, обнял свою рыжекудрую подругу, и стал целовать.

А потом проснулся: птички поют, алая заря на востоке, а он лежит на стожке, укрытый курткой. Его милой и след простыл. Было...

Догадался Амир, что произошло. Уснул ухажер уставший, а милая его не добудилась, рассердилась и ушла домой.

На следующий вечер она смеялась, вместе с подружками, буквально до упаду. Падала головой Амиру на колени и хотала до слез, рассказывая, как он приговаривая «сейчас, сейчас», помаленьку затих и крепко-накрепко уснул.

Амир помалкивал, ему было не до смеха. Попросил командира перевести его на другую работу, дескать, вымотался он.

В составе стройотряда политехников «Энергия» работал в озерном районе, между озерами Ик и Салтаим. Места исключительно красивые. Амир и Саша Шпак работали бензопилой «Дружба», прокладывали просеку для электролинии. Амир валил деревья, Саша стоял на подхвате, стежком подталкивая ствол дерева. Комары густо усаживались на лица, их просто смахивали в массу рукавом, и к вечеру лица напоминали маску из комариных трупиков.

В траве, между березовыми колками, росла клубника. В невероятном количестве, словно красный ковер. И когда в работе делали небольшой перерыв, ели клубнику. Если уставали собирать руками – вставляли на четвереньки и ели ягоды ртом, срывая губами. Клубничные коровы...

А как-то собрали два ведра. И на ужин ели вареники с клубникой.

Деревья, которые они валили, оставались на просеке – никому не нужные. А места, надо сказать, были там лесостеп-

ные, и с деревом у населения было довольно туго, с дровами так же. Амир задумался. Их на рабочее место привозил-уво-зил на ГАЗ-51 совхозный шофер дядя Саша, мужчина лет 50. Амир решил поговорить с ним. Проблема решилась просто.

Дядя Саша указал на мужика, который уже второй день приезжал на телеге. Перекурит минут 15—20 и уезжает. В то утро мужик опять появился в поле зрения. А телега, кста-ти говоря, была у него не просто телега, а фура, которыми обычно возят лес. Амир подозвал мужика, тот охотно подо-шел. Среднего роста, молодой, загорелый. Одет он был в по-ношенную, выгоревшую штормовку, на ногах яловые сапо-ги. Поздоровались. Амир без дипломатии спросил:

– Ну что, лес нужен?

– Ну!

– Как будем договариваться?

– Сколько просишь?

– Значит, так. Увозишь на телеге, сколько сможешь. Одна телега 5 рублей.

Лес-то был дармовой, а лишние деньги в студенческой кассе не помешают.

– Пойдет.

Бизнес развивался активно. Потом мужики менялись, це-на оставалась прежней. Командир отряда был очень дово-лен, правда, что-то там вякнул комиссар насчет торгашества, но командир его быстро придушил. Пару раз мужики приво-зили самогонку. Очень крепкая она была. После работы как-

то Амир с Шурой приняли на грудь по стаканчику (на самом-то деле, прямо из огромного чайника) и с непривычки сомлели. Дядя Саша довез их до села, там сняли с кузова ребята. Смеху было. Зато потом стали осторожнее.

Амир, свинка, горшки и медсестры

Пятый курс на лечебном факультете посвящается изучению госпитальных дисциплин. На простом языке это означает изучение течения заболеваний у конкретного человека, с его особенностями.

Геннадий Иванович, ассистент кафедры госпитальной хирургии, – рост метр девяносто, кулаки с детскую голову.

Однажды с самого утра Амир ощущал какой-то дискомфорт, его познабливало, плохо гнулась шея.

Преподаватель обратил на Амира свое врачебное внимание:

– Тарский, неважно выглядишь, болен?

– Что-то знобит меня, и шея не гнется!

– Шея, говоришь? А ну, посмотрим твою шею, – своими пальцами, величиной с сардельку, он пропальпировал шею студента и гулко захохотал:

– Да у тебя свинка!

Ржала вся группа. Амир загрустил.

– И что же теперь мне делать?

– Лечись водкой.

– Как водкой, пить?

– Можно и пить. Но, главное, компресс на околоушную железу поставь.

– А если без шуток? Что делать-то?

– К инфекционисту!

В троллейбусе народу было мало. С удобством устроился на сидении у переднего выхода: он любил наблюдать за водителем и дорогой. В этот раз его ничто не радовало.

Врач здравпункта общежития с диагнозом согласилась и выписала направление в стационар инфекционного отделения.

В приемном отделении медсестра с сомнением оглядела Тарского и засмеялась.

– Что смешного? Заболел человек, его направили на лечение. Кстати, я студент медик. Пятый курс!

– Хи-хи!

– Опять хи-хи! В чем дело? Лечить меня будут?

– Будут, будут! Но у нас ведь детское инфекционное отделение.

– Я знаю. Ну и что? Я тоже чей-то ребенок.

– У нас таких пижам нет, больших.

– Обойдусь.

Поместили в большую палату на восемь коек. Рядом детки от четырех до десяти лет: плачут, визжат, прыгают, бегают. Амир в кровати не поместился, ноги ниже колен высывались за спинку. Лег, под ноги подставил табуретку, которую тут же стащили для игр. Поспать так и не удалось.

Всю ночь потом укрывал детишек (прохладно, осень, отопления еще не было), садил их на горшок, выносил горшки, давал пить и т. д. Пил чай с двумя молоденькими посто-

выми сестрами.

Утром – обход заведующего кафедрой детских инфекций в сопровождении группы с педиатрического факультета. Это значит – одни девушки. Все они Амира знают. Пошли улыбочки, подмигивания, сочувствия. Профессор подвела их к койке нашего пятикурсника:

– Здесь случай детской инфекции у взрослого человека. Особенности течения болезни мы обсудим позже. Нам известно, что это наш студент. Как себя чувствуете?

– Нормально. Кровать вот маленькая, и не выспался немного.

– Да, кроватей других у нас нет. Поставьте ему кушетку. А спал плохо от чего?

Завотделением:

– Сестры сказали, что он ухаживал в палате за детьми.

Кончилось тем, что Амира отпустили для продолжения лечения амбулаторно, в здравпункте общежития, взяв подписку о невыходе из комнаты в течение четырех суток.

Год 1971

По лицу ползла муха и щекотала нос. От мухи почему-то исходило приятное, лучистое тепло. Амир чихнул и проснулся. Лучи утреннего солнца высветили синие смеющиеся девичьи глаза, от близкого расстояния кажущиеся огромными... Впрочем, они такими и были. Девушка кончиком своей русой косы щекотала Амиру нос. Он проснул-

ся окончательно. Повернулся к лежащей рядом совершенно голой юной девушке, крепко обнял горячее тело...

– Нет, нет, нет, и не думай! Ты же сам ночью говорил, что тебе рано утром на пароход надо успеть!

– Едрён корень! А который час? – Амир схватил свои наручные часы, валявшиеся на полу у койки. Пять минут седьмого! А теплоход «Ракета» отваливает в семь ровно!

– Рота, подъем! – заорал он, вскочил на ноги прямо на койке, сорвал простыню с девушки и... залюбовался совершенными линиями ее тела.

Накануне они с друзьями отмечали возвращение из студенческого стройотряда в ресторане «Маяк». За соседним столиком то же самое событие отмечали студенты физического института. Среди них он и увидел совершенно неотразимую, с волосами цвета спелой ржи, девушку в униформе ССО⁵. Свои люди...

В конечном итоге Амир с рыжеволосой убежал, уехал на троллейбусе. Двери захлопнулись перед носом у физкультурников, которых искусственно задерживал друг Коля. Таня (так ее звали) весело хохотала, обняв Амира за шею. Она оказалась студенткой четвертого курса медучилища, у физкультурников же была врачом отряда. Прибыли к общежитию. Перед общежитием в палисадниках частных домов всегда росли огромные пионы. Поставив Таню стоять на стреме, Амир перебрался через заборчик и сорвал несколько цвет-

⁵ Студенческий строительный отряд.

ков. Один цветок вахтерше: пропустила без придинок, только покачала головой.

Пионы алые

Листья роняют,

Словно любовница платья... (хокку)

Пионы поставили в тазик с водой, прямо на столе. Цветы сразу наполнили комнату своим благоуханием (аромат пиона – одно из самых главных его достоинств, оцененное еще древними. В Китае, где пион входит в число самых почитаемых растений, о нем говорят: «сто роз в одном цветке», имея в виду и внешний вид – крупный многолепестковый цветок, сложенный у многих сортов наподобие розы, – и аромат, часто напоминающий старинные сорта роз. Эти качества сделали пион в Китае «королем цветов»). Униформы обоих студентов уже валялись в разных местах комнаты. Амир приник к Тане...

И вот уже утро... Смутившись его взглядом, Таня ловко пнула парня пяткой в живот. Амир свалился на пол, тут же вскочил и оделся. Однако его подруга одеваться не спешила, прошла к окну и потянулась. В лучах утреннего солнца ее кожа с рыжим пушком казалась прозрачной... Озноб прошел по щекам парня, застучало в ушах. Он непроизвольно потянулся к ней, но она резво отскочила:

– Па-ро-ход!! Опоздаешь!

Быстренько умылись в тазике с пионами и выскочили

на улицу. Подвез ранний рыбак на «Москвиче-412» за три рубля. У трапа Амир припал к сладким губам и взбежал на теплоход. Договорились встретиться после его возвращения из родительского дома, через две-три недели. Но так больше никогда и не встретились... Таня, Таня...

Дизели «Ракеты» заурчали, причал отплыл. Теплоход встал на крылья и понесся в прозрачном утреннем воздухе на север, к отчему дому. Вскоре открылся мини-буфет. Амир подошел к стойке. В кармане лежали две пачки трехрублевки, его летний заработок. Из зеркала над стойкой на Амира смотрел дочерна загорелый брюнет со сверкающими белками глаз, в зеленой униформе. Радость мелкими пузырьками распирала его изнутри, как воздушный шар. Взял коржик и бутылку портвейна. Соседка по креслу, молодая и симпатичная женщина, дала ему граненый стакан и очищенное вареное яйцо. Амир залпом махнул стакан вина, целиком засунул в рот яйцо, прожевал, предложил вино симпатичной соседке, она пригубила, а Амир тут же уснул.

Проснулся через три часа, его голова лежала на плече симпатичной соседки, которая что-то читала. Она улыбнулась ему...

Уже неделю Амирхан наслаждался отчим домом, маминими оладушками (коймак, по-татарски), отсыпался. Голова была абсолютно пустой... В субботу топили баню, Амир возил флягами на тележке воду из Иртыша.

Как-то, поднимаясь с ведрами, полными речной воды, он

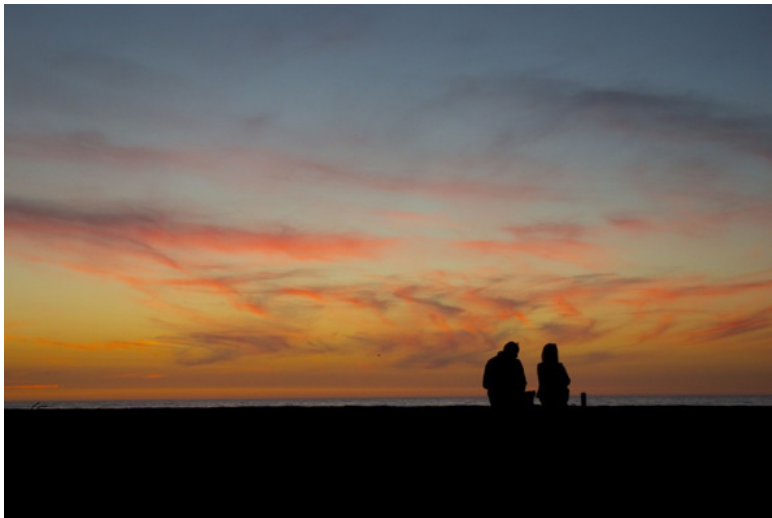
оторвал глаза от довольно крутого песчаного спуска к воде и лицо его залилось жаром... Навстречу, с коромыслом на плече, спускалась, ладно ступая босыми ногами, смущенно и радостно улыбаясь, слегка морща чистый, невысокий лоб с соболиными черными бровями, очень стройная девушка в ситцевом платье. Ее длинная коса была перекинута вперед и слегка подрагивала на девичьей груди от негромкого ее смеха.

– Пропусти меня! – ее грудной голос звучал для Амира сладкой музыкой.

– Проходи, никто тебя не задерживает!

Сердце стучало, как паровой молот. Залил воду во флягу. Она уже поднималась на верх яра. Остановилась, часто дыша, на ее щеках цвел румянец. Дала Амиру напиться из своего ведра, что было добрым знаком. Они не произнесли ни слова... Сердца сказали за них...

А вечером Амир ждал ее на памятной скамеечке на высоком берегу Иртыша. По-прежнему пахло полынью. Сероглазой не было. Ничего, он подождет. Откинулся к спинке скамейки, закрыл глаза... Как это начиналось?

Когда ему исполнилось 15 лет, в пустом классе ремонтируемой школы увидел вдруг, как будто кто-то широко раскрыл ему глаза, белокожую и чернобровую девочку с длинной черной косой, серыми глазами, стройными ножками – свою одноклассницу. Девочка эта была молчаливой, но не угрюмой, смеялась она тихо, а чаще улыбалась.

Амир влюбился в сероглазую девочку. В первый раз.

А мальчиком он был застенчивым, неловким, нерешительным, слишком эмоциональным. Чудак он был.

Поэтому случилось такое: через пару лет они сидели на скамеечке, на высоком яру Иртыша, в душную звездную летнюю ночь. Запах полыни... Какая-то большая рыба звуч-

но плеснула хвостом по воде, звезды казались близкими, а на сердце было так сладко, так тревожно от присутствия любимой девушки...

Отмахиваясь от комаров и глядя в сторону, его девочка вдруг произнесла горькие, как росшая около скамеечки полынь, слова:

– Я думаю, что нам надо завязать наши отношения!

...Амир прилег на скамейку, комары радостно зазвенели возле лица. Сорвал веточку полыни, чтобы отмахнуться от кровососов. Ну где же эта девчонка?

Помнит ли она малину? Это было четыре года тому назад: в лесочке, примерно на полпути от села Екатерининское к их селу, Амир и она жарким солнечным летним днем собирали малину

Он только что поступил в медицинский институт и приехал после зачисления домой. А она поступила в медицинское училище. Им было по 17.

Тайно от родителей, рано утром, пошли по ягоды. О чем договорились ночью, вернее, под утро, накануне. С трудом ее уговорил, вздохнув, она согласилась.

Сколько раз тянулись одновременно за одной ягодой, и руки сталкивались, и замирало его сердце. И отталкивала она его руку:

– Не мешай собирать малину!

На опушке леса у дороги, под боярышником, отдыхали пе-

ред тем, как идти с собранной ягодой домой. Было жарко.

На голове у нее был белый платок, повязанный плотно, до самых глаз (от комаров), как это делают наши сибирячки. Свои бидоны с ягодой поставили в тень березы, накрыв лопухами. Он попытался сесть рядышком, она его несильно оттолкнула. Ну что же, полежим чуть в сторонке.

Его сероглазая подруга развязала платок и распустила волосы, а коса у нее до пояса. Она тряхнула головой, коса рассыпалась, затем достала большой темно-коричневый гребень, иным с такой косой не справиться. Стала расчесывать волосы.

Прикрыв глаза, сквозь ресницы, Амир любовался милым зрелищем.

(Вспомнив все это теперь, Амир закусил нижнюю губу и простонал. Теперь только до него дошло, что тогда перед ним была сама любовь в образе сероглазой татарской девушки.)

Амир тихонько прижался щекой к ее бедру и замер...

Она молчала и расчесывала свои волосы. Потрескивал гребень, прижмурившись, он видел солнце в потоке волос, кончик ее брови, часть уха и шаловливый завиток перед ухом. Осмелев окончательно, тронул этот завиток тихонечко указательным пальцем и чуть-чуть накрутил на палец. Она прижала его ладонь к своей горячей щеке. Ее расплетенная коса упала на лицо Амира, прохладная коса из татарских черных волос. Слепленный, нашел ее ладонь и поцеловал.

Девичья ладонь пахла малиной... Ее глаза приблизились, затуманились, губы приоткрылись... они пахнут тоже малиной и почему-то молоком. Амир ее обнял, она тесно прижалась всем телом, щекоча жарким дыханием ухо и прошептав невнятно «не надо»...

Кто-то несильно хлопнул его по щеке ладонью, Амир вздрогнул и открыл глаза. Девушка стояла рядом, немного подбоченившись и ласково теребила его волосы, ее губы и глаза смеялись, ее лицо сияло в вечерних сумерках. Амир приобнял ее тонкую талию и привлек к себе, она послушно прижалась. Он нашел ее косу, зарылся в ней горящим своим лицом, затем повернул ее ждущее лицо к себе, и они замерли в сладком поцелуе...

Нравы в татарской деревне строгие. Ушли вдоль берега через кладбище на давно облюбованную крохотную полянку среди сосен на высоком яру.

Она уехала к месту распределения, опоздав на неделю. Всю эту неделю Амир не смыкал глаз. Засыпал за столом, за мамиными оладушками.

В течение 6-го и 7-го года обучения те, кто, избрал специальность хирурга, в основном изучают хирургию.

Научили оперировать – выполнять аппендэктомиию, ушивать прободную язву желудка, резецировать кишку, выполнять ампутации, хирургические обработки ран, флэбэктомиию и другие относительно несложные операции.

И вот – наконец! Получен диплом врача, свидетельство

хирурга. На работу!

Этюд второй

ЦРБ⁶

Первую свою больницу Амир нашел с трудом.

Дело было так. При распределении на работу он выбрал ближайший к областному городу районный центр, так как его юная жена должна была учиться еще 2 года.

Да, жена. Женился он на шестом курсе. К середине пятого курса студент медицинского института становится, как бы сказать правильнее, – студентом заслуженным. Ведь во всех других институтах учатся всего пять, реже четыре года. А в медицинском – целых шесть, еще и год интернатуры.

В середине пятого курса студент медицинского института знает, что ему еще предстоит грызть камень науки полтора года. И особого энтузиазма это ему не прибавляет.

Вот в таком-то настроении шел Амир как-то по коридору родного общежития. По направлению к лестничной площадке. Общага состояла из двух кирпичных пятиэтажек, состыкованных углами. Когда идешь по коридору от его комнаты к лестничной площадке, то направо будет дверь на лестницу, налево проход в холл, соединяющий с другим корпусом. А прямо будет окно на всю высоту стены, окно, отгороженное решеткой, висящей на крючках на уровне пупка (при-

⁶ Центральная районная больница.

мерно один метр от пола, значит). Кстати, с этим окном связано одно волнующее событие в его жизни.

История была такая: в ту новогоднюю ночь общага гуляла. Все, кто мог, уехали по домам. А оставшиеся студизы праздновали по комнатам и интересам.

После встречи Нового года Амир решил прогуляться по общаге (была у него в молодости такая привычка, бродить после выпитого). Идет по коридору, засыпанному разбитыми бутылками, к лестничной площадке. А там какому-то шутнику стало, видимо, жарко, и он снял решетку с окна и переставил к двери на лестничную клетку. А окно распахнул настежь. Недолго думая, Амир шагнул в открытое окно, имея в виду, что идет на лестничную площадку (а этаж-то четвертый!). И, как говорится, морозный ветер в лицо. Спасло то, что в стыке зданий кружением ветра намело громадный сугроб. И ловко так он «присугробился», частично на пятую точку, частично на спину. Был в белой капроновой рубашке в честь праздника (не намокает). Снег набился под рубашку, под брюки. Вывернувшись из снега, вытряхнув из всех полостей снег, обошел общежитие и вошел в вестибюль. Возле столика вахтера наблюдался нездоровый ажиотаж. Кто-то звонил в «скорую», кто-то кричал:

– Человек выпал с четвертого этажа!

– А кто выпал? – вклинился и Амир в суматоху. Изумленная однокурсница, увидев его, округлила глаза, раскрыла рот и замерла, указывая пальцем на ожившего. Затем шок про-

шел, его стали обнимать, целовать, потащили на четвертый этаж для лечения стресса...

Так вот, идет по оному же коридору в апреле того же, так удачно встреченного года. Солнце светит через памятное окно в лицо. И в солнечном ореоле перед ним возникает бегущая навстречу девушка. Ее волосы просвечивают в солнечных лучах рыжим цветом. На ней коротенький фиолетовый, с сиреневыми цветочками, халатик. Пронеслась, и исчезла в одной из комнат.

А Амир, естественно, так и остался истуканом стоять в коридоре. Ему показалось, что его обдало легким ветерком от взмаха крыла кудрявого мальчишки с луком и стрелами, пролетевшего у потолка и пустившего в него свою коварную стрелу, и вообще, температура тела повысилась.

Был такой праздник тогда: день рождения Ильича.

И в честь этого события весь СССР дружно и добровольно (разумеется) выходил на коммунистический субботник.

Пятый курс лечфака в тот раз занимался уборкой на военной кафедре, мальчики – на улице, девочки – в недрах кафедры. Амир с другом К. сбегали между делом в магазин, за студенческим вином типа «Портвейн 777». Убрали мусор со снегом, выпили. Поехали в общагу на троллейбусе. Ехать примерно 45—50 минут. Видимо, лицо его имело довольно глупое выражение, и Коля несколько раз спросил:

– Амир, ты заболел, что ли? (Конечно, друг, заболел, еще как заболел, хуже чумы эта хвороба, и нет от нее спасения!!!)

По субботам в общаге работал душ, бывали танцы в холле первого этажа. Приехали, слетали на четвертый этаж, и в душ. А душ-то закрыт, в честь субботника, видимо. Ну, для студента в законе это не проблема. Устроили небольшой скандал, и ключ от душа им выдали.

Чистые, спустились друзья на танцы. А там – «стоят девочки, платочки в руках теребят...».

Стоит и рыжеволосая девочка, пятками к стенке, возле двери в кабинет коменданта. В мини-юбке, в темно-красной кофточке с короткими рукавами.

– Вы танцуете? Разрешите пригласить!

– Танцует, танцует, – ответила за нее подружка Людмила, слегка подталкивая ее сзади...

Пел Сальваторе Адамо «Tombe La Neige» («Падает снег»).

Нина считает, что любви нет, это всё гормоны. Как врач, Амир ей верит. А как человек, поскольку в психическом отношении (так сложилось) Амир немного «не такой», он верит в любовь и прочую сентиментальность, и считает, что любовь есть. Потом были походы в кино. Катание в трамвае к сельхозинституту. Холл общаги, подоконник, штора, поцелуи. Со всеми своими подружками-брюнетками он расстался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.